

ТЕКСТОЛОГИЯ И АТРИБУЦИЯ

Т. ЦЯВЛОВСКАЯ

НОВОНАЙДЕННЫЙ АВТОГРАФ ПУШКИНА

(ЭПИГРАММА НА БУЛГАРИНА)

Как это ни странно, не все еще автографы Пушкина появились за это столетие с четвертью, прошедшее после его смерти. Столько было юбилеев Пушкина, столько устраивалось выставок, столько организовывалось архивов, к которым стекались рукописи великого поэта, а все еще то здесь, то там открываются новые, неизвестные автографы.

Вновь найденные автографы Пушкина по-разному обогащают пушкиноведение: одни способствуют разрешению текстологических вопросов, другие содержат новые биографические данные, третьи открывают нам неизвестные творения поэта.

Но иные автографы не разрешают загадки и споры, а вызывают их. Именно с такого рода автографом мне и предстоит познакомить читателей.

1

Один из московских собирателей рукописей, Всеволод Григорьевич Данилевский, владеет чрезвычайно интересным документом. Это — старая тетрадь, спитая из листов большого формата (*in folio*). Она является цензурным экземпляром книжки журнала «Московский телеграф» (номер девятый за 1827 год). По всем листам рукописи идут пометы (так называемая скреца): «Читал — цензор — и — кавалер — Иван — Снегирев — рассматривал — Иван — Снегирев. . .» Даже на модной картинке, приложенной по обычаю «Московского телеграфа» в конце номера, имеется след визы цензора: «фессор» (Снегирев, как известно, был профессором Московского университета).

На обложке тетради (первом листе) сверху сделана надпись: «№ 136. Подано 30 мая 1827». На обороте титульного листа: «1827 года мая 30 дня. Сию рукопись рассматривал ординарный профессор надворный советник и кавалер Иван Снегирев. Печатать позволяется декан А. Мерзляков».

Большинство листов являются писарскими копиями. Во многих местах имеются редакторские поправки, сделанные рукой издателя журнала, Николая Полевого. Им же написаны титульные листы, названия отделов журнала и сделаны разметки шрифтов: «крупным», «мелким», «самым мелким»: пройдя цензуру, рукопись направлялась в типографию; это подтверждается и жирными черными пятнами — отпечатками пальцев наборщиков на листах рукописи.

Под некоторыми статьями имеются инициалы, не попавшие в печать, другие хранят следы авторской правки. А одна из анонимных статей написана интеллигентным, индивидуальным почерком, отнюдь не писарским. К ней мы вернемся в другой раз.

На страницах тетради попадаются строки, написанные на редкость своеобразным почерком Вяземского. Он был в эти годы одним из деятельнейших участников журнала.

Кое-где встречаются пометы цензора, однообразно придирающегося к словам «божественный», «свобода», «революция». И тут же исправления, сделанные Николаем Полевым, находчиво подставляющим безопасные синонимы. «Французскую революцию» он заменяет «современными событиями», «божественный» — «небесным», «свободу» — «нравственной свободой», «проповедника разврата» — «поборником шалостей».

В заметке «Портрет А. С. Пушкина», помещенной в конце тетради, есть любопытное дополнение. Речь идет о портрете работы Тропинина. Заметка заканчивается (в писарской копии и в печатной книжке) словами: «Портрет Пушкина принадлежит С. А. Соболевскому». Вслед за тем рукой Полевого приписано: «Радуюсь, что богатая картинная галерея сего известного любителя гастрономии изящного украсилась новым превосходным произведением живописи». Фраза эта вычеркнута и не попала в печать. Она останавливает внимание не намеком на известное чревоугодничанье Соболевского, а тем, что у него, оказывается, была богатая картинная галерея в то время, когда у него в течение пяти месяцев (в начале 1827 года) жил Пушкин. Это — интереснейшее дополнение, воссоздающее обстановку Соболевского в доме № 12 на Собачьей площадке (ныне Композиторская улица), который не сохранился.

2

Среди одинаковых, больших белых листов цензурной тетради «Московского телеграфа» вшит небольшой лист серой бумаги.

Рукой Пушкина написано на нем стихотворение (см. фотокопию):

Он точно, он бесспорно,
Фиглярня журналист
Марающий позорно —
Свой бестолковый лист.
А это что за дура? . .
Ведь Истина, ей-ей!
Давно ль его канура
Знакома стала ей — ?
На бешеные враки
Чутьем приведена
Бесстыдному мараке
Пришла мешать она.

Эпиграмма на Булгарина.

Но это же, как известно, Баратынский! Однако почерк Пушкина.

В тексте сделан ряд поправок, часть из них Пушкиным, а другая часть — Баратынским. В стихе 3 — «Марающий позорно» слово «позорно» зачеркнуто и рукой Баратынского написаны варианты: «упорно», «задорно», — первый зачеркнут. Вместо определения, выразительно передающего негодующее отношение автора, — «Марающий позорно» — сделаны смягчения, холодно характеризующие манеру работы Булгарина: «Марающий упорно», «задорно».

Первый стих третьего четверостишия исправлен рукой Пушкина; вместо «На бешеные враки» написано «На чепуху и враки». Поэт жергует эмоционально окрашенным эпитетом ради более полного определения писаний Булгарина: он писал не только бешеные враки, т. е. фельетоны, но и чепуху, т. е. романы.

В следующем стихе — «Чутьем приведена» — причастие исправлено Пушкиным: «наведена».

И, наконец, предпоследний стих, исправленный рукой Баратынского, вместо чтения «*Бесстыдному* мараке» дает вариант: «*Занятиям* мараки». Это рассудочное исправление, аналогичное исправлению в стихе 3, вызвано, может быть, соображениями смягчения текста ради печати, а может быть, и тем, что рифма (враки) требовала формы «мараки» вместо «мараке» и отсюда — родительный падеж.¹

Разглядывая исправления Баратынского, можно видеть, что они сделаны не одновременно. «*Занятиям*» вместо «*бесстыдному*» написано более толстым пером и черными чернилами, как рукопись Пушкина. А слова «задорно» и «упорно» написаны более тонким пером и более светлыми чернилами, в другой раз.

Выше текста рукой Полевого вписано заглавие: «Журналист Фиглярин и Истина». Между текстом и росчерком-винтом (пушкинским знаком концовки) вписано: «читал И. Снегирев».

На предшествующем листе (большого формата, как и вся рукопись) рукой писаря, переписывавшего тексты этого номера журнала для набора, переписана и эта эпиграмма в том виде, который она приняла после исправлений Баратынского и Пушкина, с заглавием, вписанным Полевым.

Ниже текста копии сделана аннотация рукой Полевого: «Сии стихи нарочно переписаны для набора, а при сем прилагается и черновой список, подписанный цензором» (перед словом «подписанный» зачеркнуто незаконченное придаточное предложение: «по которому пр...»).

Эти обстоятельства указывают на то, что эпиграмма на Булгарина была внесена в рукопись дополнительно, уже после того, как вся рукопись номера девятого была прочитана и подписана цензором.

В выпешней в свет девятой книжке «Московского телеграфа» эпиграмма была напечатана без подписи. Нет указания на автора и в оглавлении.

Напомню прежде всего объяснение эпиграммы, давно в литературе известное.

Она написана на картинку, помещенную на титульном листе первого тома «Сочинений» Фаддея Булгарина (1827). Здесь изображен Булгарин за письменным столом и рядом с ним призрак женщины в сиянии. Картинка иллюстрировала предисловие Булгарина к его сочинениям. Оно названо: «Истина и сочинитель. (Предисловие в лицах)». Там находятся следующие слова: «Цель трудов моих — польза и удовольствие моих сограждан. Достигну ли сей цели — это решат они, а мое дело стремиться к ней. Я служу Истине; она наставит и защитит меня!..»

Вдруг кабинет Сочинителя озарился приятным светом, наподобие утренней зари; он в изумлении оглянулся и видит — Женщину прекрасную, как идеал Поэзии. Она была облечена в белую полупрозрачную одежду и сладостно улыбалась. „Ты назвал себя моим служителем“, сказала она, „и я пришла навестить тебя“. —

Сочинитель. Неужели ты... Истина? —

Истина. Точно так».

Булгарин, присягнувший России и участвовавший в походах русских войск против Франции (в 1805—1807 годах), затем присягнувший Франции и в польском легионе французской армии воевавший против России (в 1812 году) и вновь ставший служить России; предатель по натуре, впоследствии всем известный «тайный» агент III отделения, презираемый общественным мнением, но завоевавший успех у широкой публики своими

¹ Рифма «враки—мараки» — рифма Баратынского, появившаяся в напечатанном незадолго до сочинения эпиграммы послании его «Богдановичу» («Северные цветы на 1827 год»).

Журналисты Фридрихы и Истима,

Вас жено, оубо сироты,
Фридрихы журналы
Моравицы ^{видяко} ~~морави~~ ^{ушеры}
Свои сиротыновы шир
Ахъ что гудра? —
Въб Истима ии!

Зависит во канура
Вне ро то шра ии — ?
На ~~Истима~~ ^{ушеры} браки
Купили ^{на} Фридриха
Кендими ^{на} шра
Безсудованы ^{шра}
Ирмика ^{шра} Истима она
Ирмика И. Сеницы

авантюжными романами, редактор официозной газеты «Северная пчела», рептильный журналист Булгарин... и Истина!

Естественной реакцией на эту картинку и булгаринское предисловие была эпиграмма, появившаяся в «Московском телеграфе». Булгарин сам счел автором эпиграммы Баратынского. Когда вскоре после опубликования в «Московском телеграфе» эпиграммы вышла в свет книга «Стихотворения Евгения Баратынского», Булгарин приветствовал ее восторженной рецензией, в которую ввернул следующий пассаж: «Честь вам и слава, г. поэт! Вы победили меня звуками своей лиры!» Булгарин намекал тут на то, что за год до этой эпиграммы, когда Баратынский выпустил «Эду» и «Пирь», он (Булгарин) выступил с критикой, в которой утверждал, что рассказ в «Эде» прозаический и вялый.² Пушкин назвал эту рецензию Булгарина «неприличной статейкой»,³ а Баратынскому написал следующее пятистишие:

Стих каждый в повести твоей
Звучит и блещет, как червонец
Твоя Чухоночка, ей-ей,
Гречанок Байрона милей,
А твой Зоил прямой чухонец.

(III, 11)

Возвращаемся к статье Булгарина. «Вы сделали пародию в стихах из предисловия к моим сочинениям: Истина и Автор. Теперь вы удосговеритесь, что я точно так поступаю, как сказал: могу, как человек, опинаться, но никогда с умыслом не отступаю от истины...»⁴

Так Булгарин отозвался на прозвище Фиглярина.⁵

3

Умер Пушкин. Умер Баратынский. В литературу вошли новые имена. Журнал «Современник», начатый когда-то Пушкиным, издают Некрасов и Панаев. И вот, в десятилетие со смерти Баратынского, в 1854 году, Иван Сергеевич Тургенев присылает в журнал публикацию: «XV стихотворений Евгения Баратынского». Они появляются вслед за повестью «Отрочество» молодого писателя, скрывшегося под инициалами Л. Н. Т.

² Эда, финляндская повесть, и Пирь, описательная поэма, Евгения Баратынского СПб., 1826. «Северная пчела», 1826, № 20, 16 февраля.

³ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XI, Изд. АН СССР, 1949, стр. 74. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте.

⁴ «Северная пчела», 1827, № 145, 3 декабря.

⁵ Перелицовывание фамилии Булгарина — и в Фиглярина и в Флюгарина — было пущено в литературу Вяземским. См. куплеты Вяземского «Семь пятниц на неделе», напечатанные в «Северных цветах на 1826 год». Строфа, посвященная Булгарину, была полностью повторена в книжке восьмой «Московского телеграфа» 1827 года. Ее перепечатал анонимный участник статьи «Журналистика», подписавшийся тремя звездочками. Издаваясь над безответственной непоследовательностью суждений Греча и Булгарина о литературе, автор пишет: «По русской пословице это — на неделе семь пятниц: под сим заглавием напечатано в „Северных цветах на 1826 год“ стихотворение, из которого теперь (да и всегда) кстати напомнить следующую строфу:

Устроив флюгер из пера,
Иной так пишет, как подует;
У тех, на коих врал вчера,
Сегодня ножки он целует.
Флюгарин, иль Фиглярин, тот
Набил уж руку в этом деле,
Он и семь совестей сочтет,
Да и семь пятниц на неделе».

К заглавию «XV стихотворений Евгения Баратынского» было сделано примечание: «Редакция „Современника“ получила эти стихотворения от Ив. Серг. Тургенева, при следующем письме: „Милостивые государи! По-сылаю вам, с согласия г-жи Баратынской, все те стихотворения покойного поэта, которые не находятся ни в собрании его сочинений, изданном в 1835 году в Москве, ни в «Сумерках» 1842 года.

Большая часть из них была напечатана в изданиях, не имевших обширного круга читателей, и потому мало известна публике; некоторые (как-то: „На смерть Лермонтова“ и другие) появляются в первый раз. Я уверен, что вы с радостью дадите им место на листах вашего журнала и тем оживите в памяти всех любителей русского слова образ одного из лучших и благороднейших деятелей лучшей эпохи нашей литературы“».

Среди этих пятнадцати стихотворений на предпоследнем месте помещена эпиграмма на Булгарина.⁶

В тексте, напечатанном в «Современнике», отсутствует имя Фиглярина: Булгарин был еще жив, и Тургенев или редакция журнала могли решить не задевать опасного человека. Не забудем, что времена были мрачные, — это было за год до смерти Николая I.

Эпиграмма названа в «Современнике»: «На витыетку, представляющую господина за письменным столом, а возле него Истину».

Стих 2. Вместо «Фитлярин журналист» здесь читается: «Зоиллов журналист».

Стих 4. Вместо «Свой бестолковый лист» — «Свой оглашенный лист».

Стих 12. Вместо «Пришла мешать она» — «Мешать пришла она».

Оригиналом для тургеневской публикации в «Современнике» послужил текст из архива Баратынского. В автографе Баратынского эпиграмма в наше время не известна. Сохранилось три копии эпиграммы, переписанные рукой жены Баратынского. Все три переписаны ею в альбомы произведений ее мужа. Один из них — тетрадь самого поэта, озаглавленная им «Сочинения Евгения Баратынского 1824 и 1825 года»; сюда переписаны им самим его стихи; она продолжена, по-видимому после смерти поэта, его женою.⁷

Две другие копии находятся в альбомах стихов поэта, составлявшихся его женою после его смерти.⁸

Во всех трех копиях один и тот же текст, который дословно повторен в публикации «Современника», за исключением стиха 2, который в копиях читается так же, как в рукописи Пушкина и в «Московском телеграфе»:

Фиглярин журналист.⁹

⁶ «Современник», 1854, т. 47, № 10, стр. 159 первой пагинации.

⁷ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, фонд Е. А. Баратынского, № 21731/CL6 9, л. 58.

⁸ Вторая копия — там же, № 21732/CL6 10, л. 57—57 об., третья копия — там же, № 21729/CL6 7, л. 46.

⁹ В «Полном собрании сочинений» Е. А. Баратынского в серии «Академическая библиотека русских писателей» под редакцией и с примечаниями М. Л. Гофмана (т. I, СПб., 1914) в примечании к эпиграмме (стр. 269) сказано, что в «Московском телеграфе» вариант стиха 2:

Зотов журналист.

Помимо того, что здесь явное искажение наборщика: Зотов вместо Зоиллов, — вариант этот находится не в «Московском телеграфе», а в «Современнике» 1854 года. Ошибочное утверждение это повторено во втором томе «Полного собрания стихотворений» Баратынского под редакцией и с комментариями Е. Куприяновой и И. Медведевой (в серии «Библиотека поэта», 1936, стр. 291).

Текст стихов 4 и 12 в «Современнике» повторяет текст копий Н. Л. Баратынской. Если «оглашенный лист», может быть, не хуже, во всяком случае изысканнее «бестолкового листа», то

Мешать пришла она

вместо

Пришла мешать она

не может быть исправлением поэта. Это — порча стиха; она создает коноязычное нагромождение звуков и лишает концовку — острие эпиграммы — интонационной определенности.

Разночтение последнего стиха принадлежит, может быть, не Баратынскому, а является ошибкой при переписке эпиграммы его женой. Известно, что не всем свидетельствам жены Баратынского можно верить, — она не всегда точна. Она ошибается в том, например, к кому обращены стихи ее мужа. Тем более могла она переставить два слова в строке — это обычное явление при переписке. Но тогда пришлось бы думать, что, составляя рукописные сборники стихов покойного поэта, вдова его два раза из трех копировала не его автограф, а собственную копию.

Заглавие во всех трех копиях: «На виньетку, представляющую автора за письменным столом, а подле него Истину». На третьей копии над словами «На виньетку» надписано: «некрасивую». Вероятно, это надписывание имитирует дополнение Баратынского в его автографе.

Заглавие, напечатанное в «Современнике», восходит к заглавию копий, но оно отредактировано и литературно — «возле» вместо «подле» — и дипломатически — убраны намеки на Булгарина: «автор» превратился в нейтрального «господина»; то же и в стихе 2: общепонятный Фиглярин заменен безадресным Зоиловым.

4

Обратимся к вопросу о значении нового документа. Нужно выяснить, вносит ли он корректив в существующую уже второе столетие традицию печатать эпиграмму «Он точно, он бесспорно» под именем Баратынского.

Данные за авторство Баратынского достаточно вески.

Так считала жена его, сообщившая эпиграмму Тургеневу для публикации. В копии Н. Л. Баратынской по сравнению с первопечатным текстом «Московского телеграфа» имеется не вызывающий сомнения авторский вариант («Свой оглашенный лист» вместо «бестолковый»). Он говорит о том, что жена поэта копировала эпиграмму не из журнала, а с рукописного авторского текста. Кроме того, Баратынский сделал несколько исправлений в подлиннике, написанном рукой Пушкина. Наконец, Булгарин отвечал на эпиграмму Баратынскому, и Баратынский не возражал ему. Совокупность этих данных делает версию о Баратынском как авторе эпиграммы очень надежной.

Следует выяснить, какова же роль Пушкина в этой эпиграмме, почему подлинник эпиграммы оказался написанным его рукой.

Нам известно несколько случаев, когда Пушкин переписывал чужие стихи. Еще в лицее пятнадцатилетнему поэту пришлось выступить в роли переписчика, когда друг его Дельвиг сочинил «триолет» к именинам их одноклассника князя Горчакова. Может быть, объясняется это плохим почерком Дельвига. Кроме того, Пушкин переписывал неизданные стихи своих любимых поэтов — Дениса Давыдова, Вяземского, Жуковского, Батюшкова, Андрея Шенье, Державина. Известна и копия Пушкина «сти-

хотворной перепалки» Ломоносова «с Дмитрием Сеченовым по случаю Гимна Бороде», которую Пушкин считал нужным опубликовать.

Но перед нами явно случай иного порядка. Неприятная эпиграмма на Булгарина — «Он точно, он бесспорно», переписанная Пушкиным, поправки, сделанные в ней Баратынским и Пушкиным, помета цензора, заглавие издателя журнала, — все это имеет совершенно иной характер, чем записанные Пушкиным для себя неизданные стихи избранных поэтов.

Можно предполагать, что автограф, включающий почерки четырех лиц, возник во время их общей встречи. О такой встрече, относящейся именно к этому времени, вспоминал Ксенофонт Полевой (брат Николая Алексеевича Полевого). «Весною 1827 года, — пишет он, — не помню по какому случаю, у брата был литературный вечер, где собрались все пишущие друзья и недруги; ужинали, пировали всю ночь и развехались уже утром. Пушкин казался председателем этого сборища и, попивая шампанское с сельтерской водой, рассказывал смешные анекдоты, читал свои непозволенные стихи, кохотал от резких сарказмов И. М. Снегирева, вспоминал шуточные стихи Дельвига, Баратынского и заставил последнего припомнить написанные им с Дельвигом когда-то рассказы о житье-бытье в Петербурге. Его особенно смешило то место, где в пышных гексаметрах изображалось столько же вольное, сколько невольное убожество обоих поэтов, которые „в лавочку были должны, руки держали в карманах (перчаток они не имели!)“...»¹⁰

Установлена и дата этого вечера благодаря дневнику И. М. Снегирева. Он записал об этом дне (16 мая 1827 года): «Когда лег было спать, приехал Пушкин с Соболевским и увезли меня к Полевому на вечеринку».¹¹

По-видимому, здесь, у Полевых, в руках у собравшихся оказалась новинка, недели две как появившаяся в Москве. — «Сочинения» Булгарина.¹²

Картинка, изображающая этого бесстыжего журналиста в обществе Истины, возмутила и развеселила компанию. Тут же, вероятно, и родился этот хлесткий и саркастический экспромт. Пушкин мог записать его за импровизирующим Баратынским, если тот не вспоминал на вечере свою уже готовую эпиграмму.

Мог Пушкин и сам принять в ней участие, как принимал участие в коллективных лицейских куплетах и как и в зрелые годы не раз сочинял эпиграммы, пародии, шуточные стихотворения вдвоем с кем-нибудь из приятелей.

Так, блистательные пародии на апологи Дмитриева — «Нравоучительные четверостишия» Пушкин сочинил вдвоем с Языковым; поминанье с веселым и неожиданным набором имен — «Надо помянуть, непременно помянуть надо» — в содружестве с Вяземским. А как раз накануне опи-

¹⁰ Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого. СПб., 1888, стр. 209; Николай Полевой Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Редакция, вступительная статья и комментарий Вл. Орлова. Издательство писателей в Ленинграде, 1934, стр. 234.

¹¹ Н. Лернер. Заметки о Пушкине. IX. Из «Журнала» И. М. Снегирева (1825—1827 гг.), о Пушкине. В кн.: Пушкин и его современники. Материалы и исследования, вып. XVI. СПб., 1913, стр. 52.

¹² «Сочинения» Фаддея Булгарина (тт. I—II, СПб., 1827) вышли 24—26 апреля. 24 апреля Н. И. Греч в качестве владельца типографии, в которой печаталось это издание, подал в цензуру прошение о выдаче ему билета на выпуск «Сочинений» Булгарина из типографии (Прошения владельцев типографий о выдаче им билетов на выпуск изданий за 1827 год, 4 января по 30 марта, л. 26. — ЦГИАЛ, ф. 777 (Санкт-Петербургского цензурного архива), оп. 1 (1804—1849), № 730). В Москве объявление о продаже «полученных на сих днях из Петербурга» «Сочинений» Фаддея Булгарина появилось 4 мая (в газете «Московские ведомости», № 36).

санного вечера у Полевого Пушкин сочинил эпиграмму в соавторстве с Баратынским. Рассказал об этом тот же Снегирев (запись в дневнике от 15 мая 1827 года): «... к Погдину на завтрак, где я нашел Пушкина, К. Вяземского; познакомился с П. А. Мухановым, охотником до русской старины...»

За столом Пушкин с Баратынским написали на Шал<икова> сле<дующее> по случаю рассказанного анекдота:

Князь Шаликов, газетчик наш печальный,
 Елегию семье своей читал,
 А казачок огарок свечки сальной
 В руках со трепетом держал.
 Вдруг мальчик наш заплакал, запищал. —
 Вот, вот с кого пример берите, дуры!
 Он дочерям в восторге закричал. —
 Откройся мне, о милый сын природы,
 Ах! что слезой твой осребрило взор?
 А тот ему в ответ: *мне хочется на двор*.¹³

Это был завтрак у издателя журнала «Московский вестник», который Пушкин поддерживал на первых порах публикацией своих произведений. А на другой день была вечеринка у издателя «Московского телеграфа», в котором Пушкин в 1827 году уже не печатался, с головой уйдя в интересы нового журнала. И вот в результате этой второй встречи появляется эпиграмма на Булгарина — в автографе Пушкина с поправками его и Баратынского.

Пушкина, как мы видели, не расхолаживало общество; он мог сочинять и на людях — конечно, только стихи эпиграмматического свойства. О том, как обнаруживался присутствующим процесс творчества Пушкина, рассказывает Ксенофонт Полевой, впервые наблюдавший поэта у брата своего (в другой вечер): «Он был не весел в этот вечер... Пушкин несколько развеселился бутылкою шампанского (тогда необходимая принадлежность литературных бесед!) и даже диктовал Соболевскому комические стихи в подражание Виргилию. Не припомню, какая случайность разговора была поводом к тому, но тут я видел, как богат был Пушкин средствами к составлению стихов: он за несколько строк уже готовил мысль или созвучие и находил прямое выражение, не заменимое другим. И это шутя, между разговором!»¹⁴

Но в данном случае возможность написания эпиграммы одним Пушкиным, без участия Баратынского, отпадает по ряду приведенных причин, из которых наиболее убедительный — копия жены Баратынского с вариантом в тексте.

К этому можно присовокупить и то, что не только Баратынский, но и Пушкин не реагировал на печатную реплику Булгарина в адрес Баратынского. Если бы Баратынский был не при чем, а автором эпиграммы был бы Пушкин, можно быть уверенным, что Пушкин не смолчал бы и выступил в печати с опровержением. Чувство дружбы было у Пушкина исключительно рыцарским, активным. Он не допускал, чтобы из-за него задевали его товарищей.¹⁵

¹³ Н. Лернер. Заметки о Пушкине, стр. 50.

¹⁴ Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого, стр. 199; Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов, стр. 227.

¹⁵ Я имею в виду, например, письмо Пушкина к издателю «Сына отечества», где он вступился за Вяземского; эпиграмму «Не то беда, что ты поляк», в которой он обивал нападение на Дельвига; заметку «Востола», цель которой была защитить честь Люценки.

Итак, речь может идти только о двух возможностях — эпиграмма написана Баратынским или Баратынским совместно с Пушкиным.

Вторая версия кажется правдоподобнее. Написавшие эпиграмму вдвоем накануне на людях, Баратынский с Пушкиным вошли во вкус и легко написали другую за дружеским столом на следующий день. Участие Пушкина тем более вероятно, что свидетель вспоминает об особенно приподнятом настроении Пушкина, казавшегося на вечере «председателем сборища».

Тут же полусушутя, подписал эпиграмму и цензор Снегирев, сарказмы которого в этот вечер также отмечает мемуарист.

Было это 16 мая, а 19-го Пушкин уехал в Петербург. 30 мая, как мы видели, рукопись была подана в цензуру, в тот же день рассмотрена Снегиревым и разрешена Мерзляковым. Эпиграмма, как выше было сказано, не была представлена вместе со всем номером журнала.

Полевой колебался, вероятно, — печатать ли в своем журнале эту резкую эпиграмму против издателя официозной газеты (о донесительской деятельности Булгарина еще в это время не было известно). Он носил, по-видимому, на всякий случай листок с эпиграммой с собой: на листке имеются сгибы, он был сложен вчетверо, и две стороны его грязны, затерты, как бывает от долгого ношения в кармане. Наконец, он решился, получил новые, смягчающие поправки Баратынского и сдал эпиграмму в печать дополнительно. 6—7 июня 1827 года девятая книжка «Московского телеграфа» с эпиграммой на Булгарина вышла из печати.¹⁶

5

Гипотеза о том, что эпиграмма «Он точно, он бесспорно» написана Баратынским и Пушкиным совместно, основана на рассмотрении документальных источников. Ее следует проверить анализом текста эпиграммы — вариантов, словарного состава, стиля, стиха — сравнительно с эпиграммами Баратынского и Пушкина.

Мы видели, что текст из архива Баратынского (три копии жены его и редакция, напечатанная в «Современнике» в 1854 году) близок к первоначальному тексту автографа Пушкина, отражает не поиски слов Баратынского в этом документе, а повторяет окончательный текст автографа Пушкина и Баратынского, отличаясь от него лишь двумя новыми вариантами. Это обстоятельство позволяет утверждать, что редакция из архива Баратынского является записью по памяти эпиграммы уже сочиненной. Тогда эпитет «оглашенный» (лист) вместо «бестолкового» (листа), более характерный для Баратынского, является его позднейшим вариантом, а последний стих — ошибочной, небрежной записью его памяти. В таком случае подтверждается гипотеза о сочинении эпиграммы публично, на описанном вечере.

Был ли Баратынский ее единственным автором, а Пушкин лишь записывал текст рождающейся публично эпиграммы, или же Пушкин принял действительное участие в творчестве, — покажет дальнейший анализ.

Выражения «бесстыдный», «бешеный», «дура», «ей-ей», «привести», «чутье» встречаются и у Пушкина, и у Баратынского. Некоторые из них, эмоционально выражающие негодование по адресу высмеиваемого журналиста, как «бешеный», «бесстыдный», больше подходят к темпераменту Пушкина, к решительной энергии его суждения. Все эти выражения —

¹⁶ Билет на выпуск девятой книжки «Московского телеграфа» 1827 года был выдан в цензуре 6 июня (Книга для отпечатанных сочинений 1826 и 1827 гг., л. 59. — Государственный исторический архив Московской области, ф. 31 (Московского цензурного комитета), оп. 5, св. № 378, ед. хр. 15).

«марающий позорно», «бешеные враки», «бесстыдному мараке» — заменены, как мы видели, более рационалистическими, холодными, сдержанными вариантами, написанными — в двух случаях из трех — Баратынским.

Словарный состав эпиграммы, таким образом, одинаково характерен как для Пушкина, так и для Баратынского.¹⁷ Что касается стихотворного размера эпиграммы, то у Баратынского мы не встретим ни одного стихотворения, написанного трехстопным ямбом. Зато как любил он сочетание трехстопного ямба, перемежающегося с четырехстопным, в своих лирических стихотворениях! Эта строфа, широко употреблявшаяся Жуковским в его балладах¹⁸ и пэане «Певец по стане русских воинов», а также Батюшковым в «Пленном» и пародии «Певец в Беседе любителей русского слова», — в поэзии Баратынского зазвучала совершенно по-новому. Трехстопные стихи обращены им как бы в аккомпанемент к ведущей теме.

Взгляни на лик холодный сей,
Взгляни: в нем жизни нет;
Но как на нем былых страстей
Еще заметен след!¹⁹

Такого рода сочетанием четырех- и трехстопных ямбов Баратынским написано пять стихотворений.²⁰

Однажды применил он трехстопный ямб в сочетании с пятистопным, в той же последовательности — через стих. Здесь у трехстопного стиха та же функция, но выраженная еще контрастнее; его подчиненное положение еще заметнее. Мы точно слышим придыхание за возгласом:

Не даром ты металась и кипела,
Развитием спеша,
Свой подвиг ты свершила прежде тела,
Безумная душа!

(I, 218)

Однако в эпиграммах Баратынский трехстопных ямбов не употреблял. Не в счет один единственный стих этого размера, замыкающий четырехстопные ямбы в ранней эпиграмме:

Я унтер, други! — Точно так,
Но не люблю я бить баклуши,
Всегда исправен мой тесак,
Так берегите — уши!

(I, 285)

В эпиграммах Баратынского (их у него тридцать одна) встречается один случай четырехстопного хорей, шесть случаев разных сочетаний четырех- и шестистопных ямбов; подавляющее же большинство их написаны чистым четырехстопным или чистым пятистопным ямбом.

Это не значит, конечно, что он не мог написать эпиграмму трехстопным ямбом, тем более, если она родилась из сказанной или услышанной реплики: «А это что за дура?» (реплика эта производит впечатление вы-

¹⁷ К этому выводу я пришла в результате сопоставления словарного состава эпиграммы со «Словарем языка Пушкина» в четырех томах (М., 1956—1959; справки по т. IV, еще не вышедшему в свет, мне любезно предоставила В. А. Робинсон) и с «Полным собранием стихотворений» Баратынского («Библиотека поэта», 1936).

¹⁸ «Двенадцать спящих дев», «Пустынник», «Гаральд», «Рыбак», «Ленора».

¹⁹ Баратынский, Полное собрание стихотворений, т. I, «Советский писатель» («Библиотека поэта»), 1936, стр. 69. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте.

²⁰ «Бдение», «А. А. Воейковой», «Надпись» (начало которой мы привели), «Звезда», «Весна, весна...» (I, 24, 47, 69, 83, 182).

хваченной из жизни). Но это был бы случай для Баратынского уникальный.

У Пушкина же трехстопный ямб — далеко не исключение: известно тринадцать стихотворений, написанных им этим размером; а если считать «Фавна и пастушку» не за одно стихотворение, а за сюиту из девяти стихотворений, то их будет не тринадцать, а двадцать одно.

Большинство из стихотворений, написанных трехстопным ямбом, — лицейские: семь легких дружеских посланий в батюшковской традиции, одно анакреонтическое стихотворение, одно подражание Парни. И четыре позднейших: «К моей чернильнице» — 1821 года, «Мой друг, уже три дня Сижу я под арестом» — 1822 года и два стихотворения 1825 года: шутка «Веселого пути Я Блудову желаю» и лирическое стихотворение «Лишь розы увядают Амврозией дыша».

Из эпиграмм Пушкина до нас дошло далеко не все. Мы знаем их только сто двадцать три (я включаю сюда 14 коллективных и 12 *dubia*). Они написаны десятью разными размерами: рифмованным гекзаметром — 1, элегическим дистихом — 1 (в обоих случаях размеры имитировали авторов, против которых были написаны эти эпиграммы, — Кюхельбекера и Гнедича), двухстопным анапестом — 1, разностопным хореем — 1, четырехстопным хореем — 15, трехстопным хореем — 1, шести-стопным ямбом — 10, пятистопным ямбом — 17, разностопными ямбами — 26, четырехстопным ямбом — 50. Эпиграмм, написанных трехстопным ямбом, у Пушкина, как и у Баратынского, нет ни одной. Но тут дело даже не в размере, а в характере эпиграмматического творчества Баратынского и Пушкина.

Хотя эпиграммы их на Булгарина сближаются тем, что у обоих поэтов господствует тон пренебрежительный, передающий житейские слова, обороты, интонации разговорной речи:

А твой Зоил *прямой* чухонец
(Пушкин, III, 11)

Какой-нибудь *да пакостью* означишь
Ты каждый день без цели, без нужды
(Баратынский, I, 180)

Пожалуй, *будь себе* татарин
(Пушкин, III, 215)

Честь, *братцы*, честь дороже нам всего
(Баратынский, I, 307)

Эх, не тужи, *уж это* мой расчет
(Баратынский, I, 300)

Иль в *Булгарина* наступишь
(Пушкин, III, 489)

Но мы вместе с тем слышим два резко отделяющиеся друг от друга голоса — раздумчивую речь Баратынского с его замедленным пятистопным ямбом, с ударением на первом неударном слоге первой стопы:

Честь, братцы, честь, дороже нам всего

или

Эх, не тужи, *уж это* мой расчет

и рядом — энергичную, краткую речь Пушкина с безапелляционными утверждениями:

Беда, что ты Видок Фиглярин

или другое:

Иль в Булгарина наступишь.

Столь же решительный характер носят местами рассматриваемая нами эпиграмма «Он точно, он бесспорно»:

А это что за дура?
Ведь Истина, ей-ей!

Тон этот кажется подсказанным коротким стихом трехстопного ямба, который, как уже отмечалось, производит впечатление вышедшего из подхваченной живой реплики: «А это что за дура?»

Впрочем, и у Баратынского можно найти, хотя и очень редко, эпиграмму, достаточно энергично выраженную:

Так, он ленивец, он негодник,
Он только что поэт, он человек пустой;
А ты, ты ябедник, шпион, торгаш и сводник.
О! человек ты деловой.

(I, 283)

Эпиграмма «Он точно, он бесспорно» длинновата, растянута, чего в пушкинских эпиграммах не бывает. Первый стих с ударениями на неударных слогах, несвойственный пушкинским эпиграммам, звучит в духе раздумчивого стиха эпиграмм Баратынского. И концовка эпиграммы — «Пришла мешать она» — не удивила бы среди обычных концовок эпиграмм Баратынского:

Ему же после будет стыдно

(I, 82)

А перед ним природа виновата.

(I, 85),

Но для чего читает он?

(I, 86)

Его стихи — выходят в свет.

(I, 91)

Благословясь, схватитесь за виски!

(I, 129)

Бывали в эпиграммах Баратынского и сильные концовки:

Подписчики мне платят за бесчестье.

(I, 300)

Являются в тетрадах чепухи.

(I, 301)

Ужели все она по пальцам знает?

(I, 302)

И как щенок его загадил он.

(I, 303)

Но их немного. Перевешивают другие:

Смешнее всех нам пламенный глупец.

(I, 308)

Что плоский автор он. — «Вот что!»

(I, 309)

Самой природой данный враг!

(I, 313)

А вот беспощадные острия пушкинских концовок (сравните их с концовкой «Пришла мешать она»):

Только что картежный вор.

(II, 155)

Когда б твой стих ходил хотя в копейку.

(III, 155)

Беда, что скучен твой роман.

(III, 245)

А ты бездельник деловой.

(II, 154)

Там всего слабее он.

(II, 127)

Невежда глуп, зевая скажет Ум.

(II, 153)

И рога тебе к лицу.

(II, 240)

Пушкин назвал эпиграммы Баратынского «маленькими сатирами, столь забавными и язвительными» (XI, 186).

«Эпиграмма, определенная законодателем фр<анцузской> пиитики

Un bon mot de deux rimes orné²¹

скоро стареет, — писал Пушкин, — и живет действуя в первую минуту, как и всякое острое слово, теряет всю свою силу при повторении. — Напротив, в эпиграмме Баратынского, менее тесной, сатирическая мысль приемлет оборот то сказочный, то драматический и развивается свободнее, сильнее. Улыбнувшись ей как острому слову, мы с наслаждением перечитываем ее как произведение искусства» (XI, 186).

И в пушкинской эпиграмме, как и в эпиграмме Баратынского, порой «сатирическая мысль приемлет оборот то сказочный, то драматический» («Сапожник», «В Элизи Василий Тредьяковский», «Журналами обиженный жестоко» и др.). Но она действует неотразимо и «в первую минуту». Она убивает наповал, не теряя качеств «произведения искусства».

Пушкин сам в своем «Собрании насекомых» прекрасно сказал о непреодолимой силе остроты своих эпиграмм и о незавидной участи их жертв:

Куда их много набралось!
Опрятно за стеклом и в рамах
Они, пронзенные насквозь,
Рядком торчат на эпиграммах.

Рассмотрение документальных источников, как и анализ эпиграммы «Он точно, он бесспорно», разночтений текстов, языка, стиха и стиля в сопоставлении с эпиграммами Пушкина и Баратынского приводят нас к наиболее правдоподобному выводу, что эпиграмма на Булгарина, автограф которой здесь публикуется, сочинена Баратынским при участии Пушкина.

²¹ Слово, украшенное двумя рифмами.

Русская литература

№ 1

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

1961

Год издания четвертый

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Степанов. Изображение характеров в прозе Пушкина	3
Б. Городецкий. О некоторых проблемах изучения лирики Пушкина	25
В. Базанов. Из истории гражданской поэзии начала XIX века	39
В. Виноградов. Достоевский и Лесков (70-е годы XIX века)	63
И. Крук. Блок и Гоголь	85
А. Старцева. Образы-символы в творчестве Леонида Леонова	104

ТЕКСТОЛОГИЯ И АТРИБУЦИЯ

Т. Цявловская. Новонайденный автограф Пушкина (эпиграмма на Булгарина)	120
Я. Генцель (Польша). О текстологических недостатках нового издания сочинений Бестужева-Марлинского	134

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

А. Копылов. Неизвестный автограф протопопа Аввакума	139
А. Горелов. Исторические песни о Ермаке — поэтический пролог и спутник первой крестьянской войны в России	141
И. Серман. Неизданная философская поэма В. Тредиаковского	160
А. Штамбок. Об авторе рассуждения «О качествах стихотворца» (к вопросу о двух направлениях в русской эстетике классицизма)	169
М. Арзуманова. Новое о Ф. Эмине	182
Е. Маймин. Леонид Творогов	187

(См. на обороте)